

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.39>

Мелихова Назиля Накиповна, Мелихов Герман Владимирович

ОТЛОЖЕННЫЙ ЗАПРОС: ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЕВУШКАМИ 18-24 ЛЕТ

В статье обсуждается проблема корреляции ценностных установок и поведения в семейно-брачной сфере на основе понятия "институциональная рефлексивность", предложенного Э. Гидденсом. Рассматриваются некоторые особенности семейно-брачного дискурса современной молодежи за последнее десятилетие. Выдвигается предположение о квазиинституциональном характере данного дискурса, что, в частности, выражается в рассогласованности моделей семейно-брачного поведения и ценностных ориентаций. Существующие установки сознания не всегда находят отражение в поведении молодых людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/39.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 202-206. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 316.6; 392.3

Дата поступления рукописи: 05.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.39>

В статье обсуждается проблема корреляции ценностных установок и поведения в семейно-брачной сфере на основе понятия «институциональная рефлексивность», предложенного Э. Гидденсом. Рассматриваются некоторые особенности семейно-брачного дискурса современной молодежи за последнее десятилетие. Выдвигается предположение о квазиинституциональном характере данного дискурса, что, в частности, выражается в рассогласованности моделей семейно-брачного поведения и ценностных ориентаций. Существующие установки сознания не всегда находят отражение в поведении молодых людей.

Ключевые слова и фразы: семейно-брачные ценности; отложенный запрос; формы жизни; дискурс; квазиинституциональная рефлексивность.

Мелихова Назиля Накиповна, к.и.н., доцент

Казанский национальный исследовательский технологический университет

nmelikhova@bk.ru

Мелихов Герман Владимирович, д. филос. н., доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

german.melikhov@kpfu.ru

ОТЛОЖЕННЫЙ ЗАПРОС: ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЕВУШКАМИ 18-24 ЛЕТ

Один из авторов настоящей статьи достаточно долго преподавал курс по психологии семейных отношений. В последние года три-четыре устойчиво заявляет о себе тренд, выражающийся в феномене *отложенного запроса* на семейно-брачные ценности. Девушки-студентки, традиционно (больше, чем студенты-юноши) проявлявшие интерес к содержанию курса, остаются в основном равнодушными к его проблематике, или в лучшем случае их интерес носит абстрактный характер (не стоит говорить о том, что такого рода слушатели не слишком усердны). О сути этого настроения догадаться несложно, что и подтвердилось после обсуждения ситуации со студентами: российские девушки 18-24 лет предпочитают не задумываться о браке, откладывая решение вопроса «на потом». Проблематика «семейных ценностей» заменяется феминистской повесткой дня – вопросами прав и свобод женщин. Ситуация осложняется трудностями общения со старшим поколением («родными и близкими»), навязывающими брак в качестве «первоочередной задачи». Любой вопрос, связанный с тематикой «брачно-семейных ценностей», вызывает у значительной части студенток не очень вдохновляющие ассоциации и лишний раз напоминает о значимости феминистской повестки. При этом нельзя сказать, что брак как таковой отрицается, просто *сейчас* девушки интересуются совсем другим – «зарабатыванием на жизнь», построением карьеры, саморазвитием и пр.

Феномен отложенного запроса на семейно-брачные ценности говорит о тенденциях, хорошо проработанных в научной литературе. Речь идет о кризисном состоянии нынешней семьи, ее «переходности», соответствующей современному состоянию общества, что и выражается в изменении возраста вступающих в брак. Однако трудности возникают, когда девушки начинают осознавать свою ситуацию как проблему и обращаются за помощью к психологу. В самом деле, феномен отложенного запроса на семейно-брачные ценности характеризует положение девушек-студенток как противоречивое и конфликтное. Отрицаемые ценности остаются в поле внимания молодого поколения благодаря общению с родными и близкими. В результате мы имеем дело с разновидностью внутриличностного конфликта, чаще всего неосознанного, когда, например, отрицание ценностей на одном уровне (собственное самосознание) оказывается сопряженным с признанием их на другом уровне (собственные действия). У представителей старшего поколения этот же конфликт может проявляться иначе: на словах значимость семейно-брачной жизни утверждается, а на деле – отрицается. Очевидно, одна из причин конфликта – противоречие между бытующими в обществе и в молодежной среде представлениями о браке и индивидуальными установками, еще зависимыми в этом возрасте от родительских. Социально-психологический феномен отложенного запроса на семейно-брачные ценности указывает на сложное социальное явление – комплекс представлений, идей и понятий, касающихся семейно-брачной сферы. Данный комплекс представлений характеризуется крайней подвижностью, динамичностью, а также его способностью определять способы действия людей и их индивидуальные предпочтения, наличные *формы жизни*. Решение психологических проблем невозможно без обращения к анализу типичных форм жизни и стоящих за ними идей и представлений. Одна из причин существования внутриличностных конфликтов – отсутствие социально-одобряемых форм жизни, санкционирующих приемлемое поведение. Таким образом, **цель** настоящей статьи – выявление дискурсивных оснований социального-психологического феномена отложенного запроса на семейно-брачные ценности и соответствующих им форм жизни. Возможно, осмысление этих оснований поможет кому-то прояснить некоторые (глубинные) мотивы собственных действий (именно к этому прояснению, в конечном счете, и сводится, с нашей точки зрения, задача философии). Для достижения

поставленной цели нам необходимо решить следующую **задачу**: ввести такое представление о дискурсе, которое бы коррелировало с социально-психологическим феноменом отложенного запроса на семейно-брачные ценности, с одной стороны, и наличными формами жизни – с другой.

Существуют разные трактовки понятия «дискурс». Для нас представляет интерес его интерпретация, предложенная британским социальным теоретиком Э. Гидденсом. В своей книге «Трансформация интимности» он, обсуждая формы репрезентации сексуальности в современном обществе, вводит понятие «институциональная рефлексивность», с помощью которого стремится подчеркнуть институциональные и рефлексивные¹, а не силовые, контролируемые, аспекты дискурса. Э. Гидденс соглашается с М. Фуко в том, что дискурс конструирует социальную реальность: новые идеи, понятия, теории, «овладевая массами», постепенно перестраивают жизненный мир человека. Дискурс оказывает воздействие на индивида и социальные группы, это несомненно. Но, в отличие от М. Фуко, Э. Гидденс смягчает акценты, отказываясь от односторонней его трактовки в терминах «знание-сила». Он говорит об институциональной, то есть формообразующей, созидательной, а не только контролирующей функции дискурса. Называя дискурс о сексуальности (в книге «Трансформация интимности») речь идет именно о нем) «институциональной рефлексивностью», британский социолог подчеркивает в нем два момента: во-первых, он является «базовым структурным элементом социальной активности в современной обстановке» (институциональность дискурса) [3, с. 55]; во-вторых, дискурс входит в социальную жизнь и трансформирует ее не обязательно контролируемым образом (проблематика власти), но и потому, что является «частью паттернов действия, избираемых индивидами и группами» (рефлексивность дискурса) [Там же]. Словом, Э. Гидденс интересовали идеи и представления, направляющие действия людей, в которых и через которые человек «узнает себя» (руководствуясь ими), взятые в момент их трансформации и способные изменять социальную реальность. Понятие «институциональная рефлексивность» указывает на превращение представлений, идей, понятий в «базовый структурный элемент социальной активности», способный направлять поведение людей, что позволяет говорить о формах жизни. Очевидно, в любой форме жизни находит совмещение привычное и новое, что придает им динамику. О какой институционализации в таком случае можно говорить? По всей видимости, Э. Гидденс имеет в виду типичные формы жизни, которые он и рассматривает на предмет их изменения. Также вполне допустимо, что для отдельных людей или групп некие формы жизни могут существовать только «на уровне слов», в их сознании. Так бывает, когда некритично следуют моде или существующим трендам.

Если посмотреть на феномен отложенного запроса на семейно-брачные ценности с этой стороны, окажется, что девушки-студентки 18-24 лет не выбирают свое поведение, они следуют тем представлениям и идеям, которые хорошо «укладываются» в приемлемые для них формы жизни, и отвергают те, которые в эти формы жизни «не вписываются». Но вполне допустимо, что эти формы жизни пока существуют только на уровне сознания. Наша задача состоит в том, чтобы разглядеть за некими представлениями и идеями о семье и браке наличные или только зарождающиеся формы жизни. Отделить данные представления и идеи от форм жизни затруднительно, хотя в этой рефлексии и состоит одна из целей социальных наук. Понятие «дискурс» вводилось, в частности, для того, чтобы показать единство «слов» и «действий» людей в их формах жизни. Рефлексивно отделяя одно («слова») от другого («действия»), мы получаем возможность лучше разглядеть своеобразие тех или иных форм жизни. Как уже говорилось, трудность также состоит в том, что наличные формы жизни представляют собой сложный конгломерат новых, только заявляющих себя, и старых, уходящих в прошлое представлений.

Говоря об **актуальности** настоящего исследования, необходимо отметить, что понятие «институциональная рефлексивность», введенное Э. Гидденсом еще в начале 90-х годов XX века, не теряет своей значимости и сегодня. Оно позволяет тематизировать сложные социальные явления, в которых сосуществуют и взаимодействуют институционализованные и неинституционализованные, зарождающиеся формы жизни. Семейно-брачный дискурс современной молодежи относится к такого рода социальным явлениям.

В этой связи следует отметить, что определенная степень **научной новизны** предлагаемого исследования могла бы состоять в том, что в нем предложен социально-философский анализ восприятия семейно-брачных ценностей девушками 18-24 лет, осуществляемый «на уровне» оснований и имеющий своей целью не столько демонстрацию «сконструированности» данного восприятия (вопрос: «Как это устроено?»), сколько указание на глубинные мотивы собственных действий (вопрос: «На чем основано мое поведение?»).

Какие формы жизни стоят за феноменом отложенного запроса на семейно-брачные ценности? Рассмотрим ряд «замеров» общественного мнения, касающихся молодых людей 18-24 лет и их представлений о семейно-брачных ценностях (нас в основном будут интересовать девушки указанной возрастной категории).

Прежде всего отметим, что социально-психологические исследования конца XX века свидетельствовали о преобладании у российских женщин ориентации на эгалитарные модели семейных ролей – удовлетворенность браком у женщин в таких семьях была гораздо выше, чем при традиционном распределении ролей. Об этом, в частности, свидетельствует исследование Т. В. Андреевой, проведенное в Санкт-Петербурге в 2001 году. «Сравнение степени удовлетворенности браком у молодых женщин показало, что в семьях с эгалитарным распределением обязанностей удовлетворенность отношениями выше: у домохозяйек она составила – 88%, а у работающих женщин – 82%. В традиционном браке наименьшая степень удовлетворенности браком отмечена у домохозяйек – 65%, у работающих женщин – 69%» [1, с. 103]. Однако, с нашей точки зрения, сам тип

¹ Рефлексивность (в данном случае) – способность дискурса служить формой самопонимания для групп людей и индивидов.

распределения ролей – эгалитарный или традиционный – еще не является основанием для конфликтов. Исследователи указывают, что «для успешности супружеских отношений важна согласованность о характере и распределении семейных обязанностей» [Там же, с. 92]. Согласованность достигается проще и быстрее, если супруги осознают собственные установки, так как создаются условия для последовательно реализуемого поведения.

На проблемы с осознанием собственных ориентиров указывают различные варианты смешения разных видов семейных ролей, что позволяет психологам выделять псевдотрадиционные и псевдоэгалитарные модели [Там же, с. 91]. Первая характерна больше для юношей: они сохраняют за женщиной традиционные роли матери и хозяйки, ограничивая ее профессиональную карьеру и поручая ей значительную часть бытовых забот и присмотр за детьми, но при этом допуская, что жена должна принимать равное участие в материальном обеспечении семьи. Псевдоэгалитарная модель чаще встречается в семейно-брачных установках девушек: они хотят полного равенства в распределении всех семейных обязанностей, но одновременно сохраняют за мужчиной традиционную роль кормильца, возлагая на него ответственность за материальное обеспечение семьи. Возможно, такая путаница в семейно-брачных установках определялась объективной переходной ситуацией, когда традиционные модели семейно-брачных отношений еще окончательно не уступили место современным. Если это так, то в нынешнюю эпоху господства компьютерных технологий и медиареальности можно ожидать, что российская молодежь распрощалась с подобной двойственностью как в сознании, так и в поведении? Надо отметить, что статистические данные последнего десятилетия, касающиеся поведения россиян в семейно-брачной сфере, обращают на себя внимание.

На основе анализа статистических данных о возрасте невест и матерей, родивших первенца, мы бы хотели показать существенные сдвиги в моделях семейно-брачного поведения, что и проявляется, в частности, в феномене отложенного запроса (на семейно-брачные ценности), сущностной чертой которого выступает конфликт провозглашаемых («на словах») ценностей и реализуемых поведенческих паттернов.

Обратимся к таблице Росстата «Браки по возрастам жениха и невесты», размещенной на сайте в разделе «Демография» и отражающей динамику возрастных когорт невест и женихов, начиная с 1960-х годов [10]. Нас интересуют данные за последнее десятилетие (2008-2018 гг.). Согласно таблице, в 2008 году 48,5% всех женщин, вступивших в брак, относились к возрастной группе от 18 до 24 лет. Напомним, что это традиционный возрастной диапазон для российских (советских) невест. Это наглядно подтверждается и данными таблицы, начиная с 60-х годов XX века. Указанный возраст лучше подходит для репродуктивной функции и вполне укладывается в рамки традиционного представления о браке, главной целью которого были деторождение и семейный образ жизни. В 60-90-е годы XX века в этом возрасте выходило замуж около 60% всех девушек (бывало и больше). К 2010 году в эту возрастную когорту попадает только 45,7% невест, а к 2012 году – всего 40,9%. Одновременно идет прирост невест в возрастной группе от 25 до 34 лет. Обычно в этот период выходило замуж чуть больше 20% девушек. Но с начала нулевых этот процент постепенно увеличивается и в рассматриваемом нами 2008 году достигает уже 34% всех невест. Данные за 2012 год обращают на себя внимание тем, что практически сравнялось количество женщин, выходящих замуж в обеих возрастных группах: от 18 до 24 лет – 40,9% всех невест, от 25 до 34 лет – 40,6%. В последующие годы продолжается плавный прирост во второй из рассмотренных возрастных групп, и в 2016 году в нее попадает 44,53% всех невест, а в первую (18-24 года) – только 32,8%, сохраняя примерные пропорции и в 2018 году. Таким образом, за 8-10 лет произошла такая резкая смена наиболее предпочитаемого брачного возраста у российских невест, которая не наблюдалась за предшествующие 50 лет. Практически первая и вторая группы поменялись местами.

Следующий факт, вполне согласующийся с выше отмеченными тенденциями, – увеличение возраста матерей, родивших первого ребенка. Согласно исследованиям демографов, уже с 2014 года наблюдается сдвиг пика рождаемости из возрастной группы 20-24 года в возрастную группу 25-29 лет [5]. «Известия» пишут, что ознакомились с исследованием Росстата, в котором говорится, что средний возраст матери, родившей первенца, в 2015-2017 годах вырос до 26,1 года, а 1995-1999 годах он составлял 20,9 года [2]. Для такого небольшого промежутка времени изменения слишком существенные, особенно для семейно-брачной сферы, где традиционно сильно влияние межпоколенческих связей, способствующих включению инерционных поведенческих стратегий. Необходимо сразу оговориться, что в отношении возраста женихов эти сдвиги также можно проследить. Однако немного различаются начало процесса, темп и пропорциональность изменений. В России средний возраст женихов и невест всегда различался, поэтому для простоты и наглядности анализа мы решили рассмотреть статистику, касающуюся только женщин. Кроме того, для нас был важен фактор деторождения, который обычно заставлял женщину не откладывать замужество. Поэтому изменение репродуктивного поведения женщин – факт более красноречивый.

Осознанно ли молодые люди делают этот выбор, идентифицируя себя в качестве нового поколения с новыми ценностями, другим отношением к миру и к своей жизни? Если да, мы должны это увидеть в изменении их семейно-брачных установок.

Обратимся к исследованию ВЦИОМ, имеющему непосредственное отношение к нашей теме – возрасту вступления в брак [8]. Нас интересует мнение молодежи. Большинство представителей молодого поколения обоих возрастных когорт (18-24 года – 64%, 25-34 года – 76%) считают, что вступить в брак и жить в семье предпочтительнее одиночества. Таким образом, семья по-прежнему остается одной из основных ценностей. Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет считает, что самый подходящий возраст для вступления в брак для девушки – 20 лет, а для юноши – 24 года. В представлениях следующей возрастной когорты эти цифры меняются – для девушки идеальным возрастом становится 25 лет, а для юноши – 26 лет. Опрос проведен в 2017 году, значит, дата рождения

самых старших в первой группе относится к 1993 году, но, согласно таблице Росстата, данные за последние 6 лет (то есть за весь период, пока они находились в этом возрасте) в возрастную группу от 18 до 24 лет попадали меньше 40% всех невест. Так что реальный возраст вступления в брак отличается от идеального, и становится понятным, почему в следующей когорте «идеальный» возраст невесты прибавляет сразу 5 лет.

Возьмем данные другого исследования ВЦИОМ, посвященного сравнительному анализу представлений о предназначении брака и семейной жизни россиян за последние 25 лет [6]. Новым в 2014 году по сравнению с 1989 годом является уменьшение количества людей, предпочитающих жить в браке (1989 – 89%, 2014 – 79%). Однако при этом поразительным является увеличение значимости брака по фактору деторождения, хотя никаких препятствий за 25 лет для внебрачных форм продолжения рода не возникло. Согласно мнению опрошенных, это наиболее важное предназначение брака в России, так как ни один другой вариант не имеет такой популярности: 1989 – 56% опрошенных его выбрали, а в 2014 году – 60%. Мы не знаем, насколько этот опрос отражает мнение именно молодых людей, так как результаты не ранжированы по возрастным группам. Но, если опрос репрезентативен, то он все равно интересен для отслеживания развивающихся процессов. Сами исследователи на основе совокупного анализа ответов в качестве главной тенденции выделяют следующие изменения: «За четверть века выросла доля россиян, предпочитающих оставаться одиночками. Брак стали чаще рассматривать как материальное и сексуальное партнерство». Таким образом, изменения есть, но направленность противоречива, чтобы делать определенные выводы.

Для прояснения ситуации обратимся к другому опросу ВЦИОМ, посвященному представлениям об идеальной семье [7]. Опрос проведен в 2013 году. Здесь есть сведения о распределении респондентов по возрастным группам. На вопрос с любым количеством ответов «Как Вы представляете себе идеальную семью?» в возрастных группах от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет наибольшую популярность приобрел вариант ответа «Благополучие, обеспеченность, достаток, работающие члены семьи». В первой из отмеченных групп ни один из других вариантов не был выбран такое же количество раз, а во второй группе такой же процент имеет вариант ответа «Полная семья (мама, папа, дети)». Сами же исследователи, комментируя результаты, пишут, что «любовь реже стала приметой образцовой ячейки общества». Таким образом, присутствующая в предшествующем опросе тенденция восприятия брака как материального партнерства подтверждается применительно к молодежи от 18 до 34 лет. Однако есть противоречие между деторождением и материальным и дружеским партнерством: вариант ответа «есть дети» оказался для 18-24-летних в 3 раза (в возрастной группе от 25 до 34 лет в 2,4 раза) менее популярным, чем благополучие и обеспеченность. Также гораздо менее востребованным, чем взаимопонимание и уважение, полная семья и любовь. Возникает вопрос, как объяснить совпадение одних тенденций и противоречие в других? Если даже учитывать, что сравнительное исследование брака в России за 25 лет отражает мнение всех слоев населения, а не только молодежи, все равно цифры слишком контрастны – благополучие и обеспеченность в 3 раза значимее наличия детей, несмотря на то, что семья по-прежнему выступает в качестве важнейшей ценности для большинства россиян, независимо от возраста.

И, наконец, на наш взгляд, весьма показательным для выявления разительных противоречий в семейно-брачных ценностных ориентациях россиян и их реальном поведении в этой сфере являются данные опроса ВЦИОМ, посвященного изучению отношения к сожительству [9]. Эта тема всегда была актуальна в нашей стране, поскольку для государства существовали и до сих пор существуют только семейные союзы, зарегистрированные официально. Поэтому она ярко высвечивает существующие проблемы, особенно на фоне изменения моделей семейно-брачного поведения, когда однозначно наблюдается прирост количества супружеских пар, живущих совместно до заключения брака.

Отметим следующее: во-первых, почти половина (47%) 18-24-летних и больше половины (52%) 25-34-летних не поддерживают инициативу приравнивания незарегистрированных отношений к официальному браку (цифры практически не отличаются от старших возрастных групп). Во-вторых, хотя больше половины молодежи от 18 до 34 лет считают нормальным совместное проживание без регистрации отношений, 69% в возрастной группе от 18 до 24 и 63% среди 25-34-летних считают, что, если пара хочет иметь детей, то должна вступить в официальный брак. Эти цифры не очень отличаются от средней по выборке – в целом 71% опрошенных придерживаются мнения о необходимости регистрации отношений при наличии детей. Таким образом, представления молодежи гораздо больше совпадают с мнением их родителей, чем поведение. По крайней мере, это хоть как-то объясняет данные опроса 2014 года, где наблюдается рост значимости брака по фактору деторождения по сравнению с 1989 годом. Другое исследование ФОМ 2013 года подтверждает, что среди поколения 18-30-летних уже 55% стали жить вместе еще до регистрации брака (в возрастной группе от 46 до 60 лет, то есть их родителей, только 17%) [4]. Исследователи отмечают: «В итоге налицо явное противоречие: большинство опрошенных считают, что мужем и женой можно считать и тех, кто живет вместе, не заключая официального брака, но для многих из них такой брак – видимо, ненастоящий, не совсем брак» [Там же]. Они также пишут, что 55% опрошенных считают, что брак должен быть обязательно зарегистрирован хотя бы со временем.

Подведем итоги. «Замеры» общественного мнения свидетельствуют, что семейно-брачные установки девушек 18-24 лет демонстрируют ориентацию на взаимоисключающие элементы дискурса (институциональное совмещается с неинституциональным): желание любви и сексуальных отношений соседствует со стремлением к финансовой самостоятельности и благополучию, что претворяется в такую форму жизни, как «сожительство»; семья как ценность сочетается со стремлением сделать карьеру, что вновь возвращает нас к такой форме семейно-брачных отношений, как «сожительство»; желание «иметь детей» сопрягается с новейшими медицинскими технологиями, обеспечивающими контроль над рождаемостью, а также с общественным

мнением, лояльно относящимся к одиноким матерям любого возраста, что находит свое выражение в таких формах жизни, как отложенное материнство, экстракорпоральное оплодотворение и т.д.

Ориентация на взаимоисключающие элементы дискурса приводит к тому, что любые формы дискурса – и «старые» (институциональные), и «новые» (неинституциональные) – принимаются одновременно в качестве «базовых» и «релятивных», возможных («можно и так, и эдак»): брак не отрицается, но откладывается; рождение ребенка планируется, но на данный момент исключено; семья – совместная жизнь, но главное в ней – рекреация; любовь желательна, но материальное благополучие не менее важно и т.д. Эта проводимая «на деле» релятивизация традиционных представлений о семье и браке пока еще не основана на осознанном принятии новых форм жизни, напротив, «релятивизация» обнажает существующий разрыв между «словом» и «делом». Факты свидетельствуют о том, что цивилизационные и социально-экономические факторы определенно стали брать верх, и переход к современным формам семейно-брачных отношений осуществляется на практике, а в последнее десятилетие и резко ускоряется. Однако осознание собственных ценностных ориентаций молодому поколению дается непросто: метания от сугубо традиционных моделей семейной жизни до суперсовременных представлений о ненужности брака можно объяснить влиянием таких противоречивых тенденций, как глобализация и традиционный уклад, сохраняющий свои позиции везде, куда еще не проникла вездесущая цивилизация. Тем не менее инерция и косность, связанные с влиянием межпоколенческих и традиционных связей, больше ощущается в сознании, чем в реальном поведении.

Имея в виду эту «косность сознания», вероятно, можно охарактеризовать дискурс, которому следует молодое поколение в своих представлениях о семейно-брачной жизни, как *квазиинституциональная рефлексивность*. Данный дискурс основан на разрывах и противоречиях между «словом» и «делом», «сознанием» и «реальными поступками» (в ту или иную сторону). Стоит отметить также, что в подобного рода дискурсе институциональные элементы, как правило, функционируют на уровне «слов» («сознания»), а неинституциональные – на уровне «дела». По всей видимости, квазиинституциональностью отмечены многие формы жизни современной российской молодежи и, похоже, не только ее.

Феномен отложенного запроса на семейно-брачные ценности, о котором говорилось выше, свидетельствует о внутриличностном конфликте, который разрешить, оставаясь исключительно на уровне психологии, невозможно. Мы имеем здесь дело с разными формами жизни, проявляющими себя одновременно «на деле» и «в сознании». Осознание квазиинституционального характера дискурса, которому мы принадлежим, вероятно, позволит обозначить проблему существующих «разрывов» в восприятии окружающего мира и своего поведения, что, если подумать, не так уж и мало.

Список источников

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. СПб.: Речь, 2005. 436 с.
2. Бершвили Н. Россиянки отложили материнство [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/696411/nataliia-berishvili/gossianki-otlozhili-materinstvo> (дата обращения: 03.11.2019).
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
4. Осипова И. Гражданские браки: смыслы и отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/blogs/11093> (дата обращения: 03.11.2019).
5. Щербакова Е. М. Молодежь СНГ, демографический портрет [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 711-712. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/barometer711.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).
6. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=6> (дата обращения: 03.11.2019).
7. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=944> (дата обращения: 03.11.2019).
8. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3515> (дата обращения: 03.11.2019).
9. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923> (дата обращения: 03.11.2019).
10. <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.11.2019).

PENDING REQUEST: DISCURSIVE FOUNDATIONS OF PERCEIVING MATRIMONIAL VALUES BY 18-24-YEAR-OLD GIRLS

Melikhova Nazilya Nakipovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan National Research Technological University
nmelikhova@bk.ru

Melikhov German Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
german.melikhov@kpfu.ru

The article discusses the problem of correlation of value attitudes and matrimonial behaviour on the basis of the “institutional reflexivity” conception proposed by A. Giddens. Peculiarities of the modern youth’s matrimonial discourse of the last decade are identified. The authors suggest that this discourse is of quasi-institutional nature, which is justified by discrepancy of matrimonial behaviour models and value orientations. The existing conscious attitudes are not always represented in young peoples’ behaviour.

Key words and phrases: matrimonial values; pending request; forms of life; discourse; quasi-institutional reflexivity.